

Теоретические концепции модернизации

Эволюция теории экономической модернизации включает три периода её становления и развития: 1) пятидесятые – середина семидесятых годов двадцатого столетия связаны с возникновением неокейнсианского, неоклассического и институционального ядра классической теории модернизации, наиболее значимыми концепциями которой, являются: теория «большого толчка», теория структурных преобразований, теория конвергенции; 2) середина семидесятых – девяностые годы – становление теорий «модернизации в обход модернисти», теории человеческого капитала, теории государства, ориентированного на цели развития, теория создания технологических способностей, теория постиндустриального общества, постмодернизации, общества знаний, информационного общества; 3) середина девяностых годов двадцатого столетия – настоящее время – становление теорий «продолжающейся модернизации», «новой модернизации», «экологической модернизации», а также большое количество работ по моделированию «большого толчка» с использованием элементов теории игр и современной концепции моделирования равновесных экономических систем.

Модернизационная парадигма зародилась в середине XX в. как методологическая основа перехода молодых государств в Азии, Африке и Латинской Америке, образовавшихся в результате распада колониальной системы, к состоянию развитых западных стран. Целевая составляющая этого теоретического направления определила фокусирование исследовательского интереса на проблематике развития, факторах и механизмах перехода к современному индустриальному обществу, положительной оценке самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей. В настоящее время исследователи выделяют следующие этапы развития модернизационных теорий: классическую теорию модернизации, теорию постмодернизации, вторую теорию модернизации.

Становление классической теории модернизации осуществлялось в 40-60-е годы прошлого столетия. Как отмечает немецкий ученый В. Цапф (Zapf), «модернизация определяется как развитие четырех базовых институтов современного общества – состоятельная демократия, рыночная экономика, социальное государство, массовое потребление, расширение текущих проблем путем реформ и инноваций» [1].

В рамках данного подхода модернизация рассматривается как системный имманентный процесс, интегрировавший в связное целое факторы и атрибуты модернизации. Модернизация характеризуется как глобальный процесс, который обеспечивается как распространением по всему миру западных

идей, технологий и институтов, так и эндогенным развитием неевропейских обществ. Модернизация рассматривается как необратимый процесс унификации и постепенной конвергенции обществ.

Таким образом, проблема модернизации – это одна из проблем общественного развития. Соответственно, теория модернизации – одна из теорий общественного развития. Разработанная в ней проблематика экономического, культурного, технологического роста, социального изменения, революции производительных сил, прогресса стала теоретической основой современной идеологии развития. Вместе с целой гаммой посткейнсианских экономических учений, социологических и политических исследований теория модернизации образовала обширное исследовательское поле, на котором отработывалась историческая практика нескольких послевоенных десятилетий [2].

Многоплановость процесса модернизации породила различные дисциплинарные подходы к его изучению.

Социологический подход фокусирует внимание на построении идеально-типических конструкций, позволяющих охарактеризовать переход от традиционных обществ к современным.

Культурологический подход рассматривает модернизацию через ощущения человека, сталкивающегося с проблемой современности и воспринимающего её в своей повседневности.

Политологический подход акцентирует внимание на роли партии, элит в процессе политической мобилизации; влиянии традиций, ценностных установок, национальных символов на процесс демократизации.

Исторический подход характеризуется изучением периодизации современности на основе эмпирического обобщения и сопоставления свидетельств различных стран.

Для целей нашего исследования наибольший интерес представляет экономический подход, связанный с изучением инновационной, технологической, инвестиционной, распределительной, структурной, внешнеэкономической, институциональной политики для целей развития.

Впервые проблемы ускоренного развития стали активно разрабатываться ещё во время второй мировой войны в связи с дискуссиями о послевоенном устройстве мира. Первыми значительными работами в этой области были статья П. Розенштайна-Родана (P. Rosenstein-Rodan) «Проблемы индустриализации Восточной и Юго-Восточной Европы», опубликованная в 1943 году, и книга Е. Стейли (E. Staley) «Мировое хозяйственное развитие: влияние на развитые индустриальные державы», появившаяся годом позже. Идеи автором этих работ были использованы правительством США в 1948-1949 гг. при разработке программы хозяйственной помощи реконструкции Западной Европы.

Знаковым событием стало появление в 50-х годах концепции стадий экономического роста американского экономиста и историка У. Ростоу (Rostow W.), который в своих исследованиях опирался на монолинейную социологическую теорию Т. Парсонса (Parsons T.) (рассмотрение эволюции общества как поступательного движения от примитивного и архаичного состояния

к современному). Он выделил в хозяйственной истории каждого народа пять этапов: традиционное общество, «предпосылки взлета, взлет, вызревание и эпоху массового потребления» [3].

Развивая идеи Ростоу, У. Мур (Moore W. E.) пишет: «Все идет в одном направлении, несмотря на различие темпов, рубежей и препятствий, модернизация – это рационализация общественной организации и социальной активности. Такой рациональный процесс ведет к сближению уровней развития. Модернизация поэтому – путь к конвергенции стран с различной исторической судьбой в едином мировом сообществе» [4].

Становление теории экономической модернизации в 60-е годы связывается с именами Р. Нурске (Nurske R.), Х. Лейбенштейна (Leibenstein H.), А. Хиршмана (Hirshman A.), Г. Зингера (Singer H.), Х. Ченери (Chenery H.), У.А. Льюиса (Lewis W.), Г. Мюрдаля (Murdal G.), К. Поланьи (Polanyi K.), которые, по сути, являются представителями разных направлений теории экономической модернизации: неокейнсианского, неоклассического и институционального.

Ведущие специалисты того времени в духе неокейнсианской традиции отводили существенную роль в модернизации экономики росту внутренних инвестиций (внутренних сбережений). Так, например, в вышеупомянутой схеме Ростоу определяющей чертой стадии взлета являлась необходимость увеличить долю капиталовложений по крайней мере до 10% от национального дохода (по оценке Лейбенштейна, 12-15%).

В основе данного утверждения лежит модель Харрода-Домара (Harrod-Domar). Основная идея этой модели заключается в том, что инвестиции играют в экономике двойственную роль: с одной стороны, они создают производственные мощности, а с другой – создают спрос через эффект мультипликатора. Для того, чтобы прирост спроса соответствовал приросту мощностей, инвестиции (а значит, при условии равновесного спроса, и весь национальный доход) должны расти темпом, равным os , где o – показатель капиталотдачи, а s – норма сбережений.

Модель Харрода-Домара, акцентирующая внимание на необходимости трансформации сбережений в инвестиции, легла в основу концепции «большого толчка», т.е. концентрированного усилия государства, направленного на мобилизацию ресурсов, необходимых для модернизации.

Р. Нурске, будучи сторонником сбалансированных инвестиций, предлагал одновременно создавать комплекс современных отраслей материального производства, рассматривал, таким образом, модернизацию как глубокие структурные изменения в основных отраслях экономики. Он считал стержнем модернизации индустриализацию, основанную на использовании новых технологий, эффективных источников энергии, углублении разделения труда, развитии товарного и денежного рынков.

Г. Зингер уделял особое внимание условиям модернизации. Он предлагает в первую очередь поднять производительность труда в сельском хозяйстве, в традиционных экспортоориентированных производствах, что позволит развить собственную производственную и социальную инфраструктуру.

Для повышения эффективности капиталовложений подчеркивалась роль государства в координации инвестиционных потоков и создании инфраструктуры (как основы для последующих частных и государственных капиталовложений).

Х. Ченери и М. Бруно (Bruno M.) была выдвинута идея о том, что ограничителями роста могут выступать не только масштабы инвестиций, но и объем валютного резерва, а также возможность страны по поглощению капитала. Ими была разработана модель двух дефицитов (two gaps model), которая помимо дефицита внутренних накоплений учитывает внешнеторговый дефицит. Цель модели – определить оптимальный объем внешнего заимствования для первого этапа модернизации – «большого толчка» с учетом возможности последующего преодоления внешней финансовой зависимости. Эта модель была разработана для Израиля и широко применялась при разработке стратегии модернизации в странах Азии и Латинской Америки.

Делая акцент на макроэкономическое регулирование, неокейнсианцы подчеркивали ведущую роль государства в процессе модернизации. Так, Я. Тинберген (Tinbergen J.), отмечал, что важнейшими условиями, обеспечивающими быстрое развитие, являются создание и поддержание устойчивого монетарного равновесия, предотвращение массовой безработицы, борьба с чрезмерным неравенством в доходах, государственное вмешательство в те сферы, которые не могут получить должного развития на основе одной только частной инициативы.

Ян Тинберген, Пол Розенштейн-Родан, Холлис Ченери отмечали важность планирования в экономической модернизации. Они считали, что именно планирование способно обеспечить необходимую координацию усилий и достижение мотивационных целей, чтобы гарантировать стабильность. Работы этих ученых стали основой публикации Департамента экономических проблем ООН 1951 г. по планированию в развивающихся странах.

Здесь важно подчеркнуть, что целью подобной модернизации выступало, тем не менее, не создание централизованного планового хозяйства, а формирование рыночной экономики западного типа с закреплением ведущей роли за соответствующими институтами: промышленными корпорациями, банками, торговыми и финансовыми компаниями. По мысли Тинбергена сближение механизмов координации рыночной и плановой экономики должно было способствовать конвергенции данных систем в рамках постиндустриального общества.

Основоположники теории модернизации внесли значительный вклад и в разработку модели экономического развития на основе теории структурных преобразований. Это направление можно отнести к неоклассическому подходу в разработке теоретических основ модернизации. Если рассмотренные ранее концепции опирались на государство, то в центре неоклассической концепции – фигура предпринимателя. Содержание структурных трансформаций наиболее полно изложено в работе У. Артура Льюиса «Экономическое развитие при неограниченной обеспеченности рабочей силой», опубликованной в 1954 году [5].

В этой работе утверждается, что в модернизирующихся странах экономика представлена двумя секторами: современным – с относительно передовой техникой и хорошо функционирующим рыночным механизмом и традиционным – с отсталой техникой и слабой связью с рынком. Поскольку заработная плата в крупном традиционном секторе закреплена на постоянном уровне благодаря действию институциональных ограничителей, постольку для относительно небольшого, но развивающегося современного сектора существует фактор неограниченного обеспечения рабочей силой при неизменной реальной заработной плате. Высокая обеспеченность хозяйства рабочей силой гарантирует значительную экономию на оплате труда, полученная таким образом прибыль реинвестируется в современный сектор.

Подход Льюиса акцентируется на использовании в качестве главного регулятора модернизации рынка труда и капитала. При избытке рабочей силы используются преимущественно трудоинтенсивные технологии и трудоемкие виды ресурсов. Модернизация понимается как преодоление дуализма между традиционной экономикой и современной. Необходимо отметить, что работы У.А. Льюиса по разработке проблем аграрно-индустриального перехода были отмечены в 1978 г. Нобелевской премией.

Холлис Ченери расширил и дополнил теорию структурных преобразований. Он существенно развил понятие структуры, рассматривая общеэкономическую, индустриальную и институциональную структуру. Ченери утверждал, что структурные преобразования включают в себя совокупность средств и механизмов, с помощью которых постепенно создается новая отраслевая и территориальная структура экономики, формируется система динамичных рынков, происходит серия институциональных изменений в политической, экономической и правовой сферах, трансформируется структура занятости и социально-профессионального состава населения, потребительского спроса, внешней торговли. В конце 60-х годов были созданы многосекторные модели структурных преобразований, в которых, наряду с сельским хозяйством и промышленностью, были рассмотрены сектор услуг и экспортноориентированный сектор. Такие модели использовались в Перу, Аргентине и на Филиппинах.

В конце прошлого – начале нынешнего столетия снова пробудился интерес к положениям классической теории модернизации с точки зрения моделирования процесса «большого толчка». Рассмотрим краткое содержание предлагаемых экономико-математических моделей, в которых в качестве стимуляторов спроса рассматриваются правительственные интервенции, деятельность финансовых институтов, роль экспорта, оживление экономики в результате активной разработки природных ресурсов.

В модели Марфи, Шлейфера и Вишни (Murphy K.M., Shleifer A. And Vishny R.W.) [6] рассматривается процесс принятия инвестиционных решений фирм в процессе модернизации экономики. Авторы модели акцентируют внимание на том, что на прибыль фирмы, принявшей решение об инвестициях в новые технологии, влияет пропорция секторов, которые также встали на путь модернизации. Математическое решение модели приводит к двум воз-

можным состояниям равновесия экономики по Парето. Большой толчок необходим в Парето-превосходящем равновесии. То есть государство должно создать условия для оптимистических ожиданий фирм.

М.Д. Рин и Т. Хеллманн (M.D. Rin, T. Hellmann) [7] рассматривают модель, в которой изучается роль банков как катализаторов модернизации экономики. Основным результатом этой модели заключается в том, что банки должны быть достаточно большими и должны иметь достаточную рыночную власть, чтобы желать нести затраты по координации процесса модернизации. Обосновывая роль банков в качестве катализаторов индустриальной модернизации, авторы ссылаются на уникальное положение банков в платежной системе, а именно: банки находятся в контакте с большим и разнообразным набором фирм и через предоставление кредитов могут влиять на инвестиционное поведение фирм.

При большой сети клиентов (хорошо диверсифицированные портфели между отраслями промышленности) банки могут позволить нести убытки от некоторых проектов, которые покрываются прибылью от других проектов. Более того, конкуренция между такими крупными банками-катализаторами должна быть минимальной, чтобы клиент не мог быстро разорвать отношения с банком. Кроме того, владение частью активов клиента позволяет банку-катализатору уменьшить эндогенную стоимость координации, повышая его эффективность.

Модель В. Триндаде (V. Trindade) [8] посвящена исследованию вопроса о том, что может ли политика экспортного продвижения обеспечить успешный процесс индустриализации. Модель показывает, что при снижении защитных тарифов на импорт происходит одновременное снижение себестоимости изделий, предназначенных для экспорта, поэтому страна может поэтапно осуществлять переход к высокотехнологичным отраслям. В модели на примере компьютерной промышленности показана возможность большого толчка с постепенным переходом от производства комплектующих к сборке самих компьютеров. Результаты модели свидетельствуют в пользу селективности инвестиционной политики модернизирующихся государств.

Одним из основоположников институционального направления модернизации теорий является Гуннар Мюрдаль, который в 1974 г. был удостоен Нобелевской премии за «анализ взаимозависимости экономических, социальных и структурных явлений». Основным научным трудом Мюрдаля является монография «Азиатская драма: исследование бедности народов» [10]. В данной работе автор критикует подходы развитых стран, которые пытаются спроектировать нормы развитого общества на освободившиеся от колониальной зависимости страны. Он указывает, что такой подход приводит к становлению прозападного узкого сектора промышленности анклавного типа, ориентированного больше на внешний рынок и не затрагивающего глубинных процессов модернизации. Мюрдаль обращает внимание на азиатскую систему ценностей, которая существенно отличается от североатлантической или европейской системы, что требует некоторого видоизменения идеалов модернизации для того, чтобы они были восприняты общест-

вом. Ученый отмечает, что в странах Южной Азии регулирование частного сектора осуществляется «по решению чиновника, наделенного правом действовать по праву собственного усмотрения».

В результате, усилия предпринимателей направлены на установление контактов с представителями власти, что не является стимулом к повышению эффективности производства. В монографии отмечается отсутствие опыта масс по защите своих интересов через демократические процедуры, что практически стирает грань между демократическими и авторитарными политическими режимами в модернизирующихся странах Азии. Заслуга Мюрдаля заключается в том, что он развел понятия «рост» и «развитие», показав, что экономический рост, который не улучшает положения большей части населения нельзя рассматривать как развитие общества.

В 1960-1970-е годы теория модернизации была подвергнута критике со стороны сторонников зависимого развития. Представителями данного направления были: С. Футурадо (Futurado C.), Ф. Кардозо (Cardoso F.), Э. Фалетто (Faletto E.), П. Баран и ряд других ученых. Они считали отсталость отдельных стран результатом эволюции капиталистической системы, а путь ускоренной индустриализации рассматривался как порочный круг, не способный вывести развивающиеся страны из состояния зависимого развития. Декларируя необходимость принятия во внимание социокультурных особенностей развивающихся стран, они на деле серьезно недооценивали роль человеческого фактора в экономических и социальных процессах. По сути дела «депендентисты» были сторонниками «модернизации для себя», ограниченной рамками одной страны, не допускающей внешней конкуренции и любого влияния извне.

Хозяйственная практика 1970-1990-х годов показала, что сторонники классической теории модернизации были гораздо ближе к истине по сравнению с представителями концепции зависимого развития. Жизнь показала, что некоторые усилия развивающихся стран принесли не только вполне удовлетворительные, но даже фантастические результаты. Речь идет об успехах стран Юго-Восточной Азии (ЮВА), где быстрый экономический рост не только не входил в противоречие с социально-культурной самобытностью местных народов, но в значительной степени основывался на ней. Казалось, что получает серьезное подтверждение мысль Р. Бендикса (Bendix R.), высказанная им ещё в 1967 г. о том, что некорректно противопоставлять друг другу традиционность и современность, а модернизация вовсе не обязательно должна разрушать существующие социальные системы [10]. «Осознание истории и поиск национальной тождественности сами по себе не угрожают и даже не противоречат приверженности к идеалам модернизации, особенно на высоком интеллектуальном уровне», - писал Г. Мюрдаль [12].

Как отмечал Эйзенштадт, модернизация не может полностью «перемолоть» традиционность, которая во многом предопределяет ход и черты самой модернизации, а приверженность общества собственным традициям действует как стабилизирующий фактор, придает модернизации устойчивость и последовательность [13].

В этой ситуации сторонники теории модернизации обратились с одной стороны к анализу значения человеческого капитала в обеспечении ускоренного экономического прогресса и, с другой, к осмыслению роли государства в процессе трансформации традиционных хозяйственных систем в развитые индустриальные. Таким образом, теория модернизации получила новый импульс к развитию, благодаря разработке следующих концепций: 1) «модернизация в обход модернити»; 2) концепция государства, ориентированного на цели развития. Первое направление имеет большее отношение к социокультурному аспекту модернизации и направлено на обоснование возможности модернизации на основе собственной идентичности, а не полном отрицании культурных и социальных установок традиционного общества, из недр которого возникает современное общество. Оно было разработано в рамках исследовательской программы по гуманитарному и социальному развитию Университета ООН в Токио. Руководитель проекта – профессор А. Абдель-Малек (Abdel-Malek A.), Египет.

Как отмечалось сторонниками этого направления, «Содействие национальной культуре ради сохранения идентичности народов и подтверждения аутентичности их развития не является чрезмерным требованием, а составляет неотъемлемую часть мотивов развития и становится основой конкретного выбора, позволяющего мобилизовать их энергию. Успех развития предполагает, прежде всего, усиление человеческого потенциала путем образования в соответствии с требованиями модернизации» [13].

Авторы «новой стратегии развития» не отрицали важности ни технологических, ни экономических преобразований для обновления развивающихся стран: экономической помощи со стороны развитых стран, диверсификации структуры экономики, интенсификации капиталовложений, повышения производительности труда. Но они увязывали эти меры с господствующей системой ценностных ориентиров.

Структурирование ценностей осуществлялось таким образом, чтобы в рамках единой системы смыслов существовали: «символика развития, побуждающая наиболее активную часть населения целеустремленно действовать в современных сферах экономической и социальной жизни; 2) моральное оправдание этой деятельности с помощью системы ценностей и идей, разделяемых всем обществом; 3) символика, обеспечивающая внедрение ориентаций на интеграцию и определенную меру социальной справедливости».

В этот период Т. Шульц (Schultz T.) сформулировал применительно к развивающимся странам тезис о необходимости инвестиций в человеческий капитал. Понимая под институтами правила поведения, охватывающие денежно-кредитные отношения, организационные структуры, права собственности, материально-техническую инфраструктуру, Шульц обосновал первоочередность институциональных изменений в процессе модернизации. По мнению Шульца именно вложения в человеческий капитал становятся важнейшими факторами преобразования экономики [15]. За работы в области модернизации экономики развивающихся стран Теодор Шульц был удостоен

Нобелевской премии.

Второе направление разрабатывалось политиками и практическими экономистами Японии и государств ЮВА, стремившимися на основе ускоренной индустриализации интегрироваться в мировую экономическую систему. Современные исследователи связывают успех промышленной политики этих стран с особой моделью государства, которая получила название – «государство, ориентированное на цели развития» (hatten-shiko-kakt kokka или developmental state). Концепция development state изначально была связана с теорией «гусиного клина», разработанной японским экономистом К. Акамацу (Akamatsu K.). Он исходил из того, что по мере развития технологического прогресса и его распространения за пределы развитых стран, менее развитые смогут обеспечить столь же высокую эффективность производства конечного продукта, используя свои трудовые ресурсы и самые современные технические достижения. Иными словами, образно выражаясь, по мере того, как «вожак» поднимается все выше, он уверенно ведет за собой и всю остальную «стаю» [15]. Первой попыткой серьезного исследования на Западе этой системы взглядов стала вышедшая в 1982 г. книга Ч. Джонсона о промышленной политике в Японии [16].

Важнейшими характеристиками developmental state (DS) выступают сосредоточение в государственном аппарате значительной экономической власти, относительная автономность этого аппарата от социальных процессов, дающая ему возможность вмешиваться в экономическую и социальную жизнь как бы «со стороны», и, наконец, тесные связи между государством и бизнесом при лидирующей роли государства. Целью DS является решение следующих задач: самоподдерживающийся экономический рост, структурная перестройка экономики, технологическое совершенствование, социальная, политическая и институциональная модернизация, улучшение условий человеческого развития .

Государства, ориентированные на цели развития сумели талантливо насытить, обогатить традиционные механизмы экономического развития своей сущностной спецификой. Влияние государства на экономику проявляется в этом случае через таможенную политику, установление дифференцированных процентных ставок, предоставление монопольных возможностей отдельным группам производителей, стимулирование импорта технологий и экспорта готовой продукции, проведение целого ряда протекционистских мер, направленных на защиту внутреннего рынка.

Функционирование системы developmental slate приводится в соответствии с рисунком 2 (дается по East Asian Miracle: economic growth and public policy. World Bank Policy Research Report Oxford University Press. 1993. P. 390).

Основой политики таких государств является ориентация на активное взаимодействие с внешним миром, выражающееся в массированном импорте технологий и экспорте готовой продукции, привлечении иностранного капитала, развитии фондового рынка. Остановимся подробно на некоторых аспектах государственной политики этих стран.

Макроэкономическая стабильность. Данное условие является решающим для проведения модернизации экономики. Сторонники теории *developmental state* (DS) придерживаются политики постепенного проведения реформ, в отличие от методов «шоковой терапии», что облегчает приспособление хозяйственной системы к новым параметрам. Учитывая значение внутренних инвестиций для развития реального сектора, государство становится гарантом обеспечения низких темпов инфляции и высокой процентной ставки по депозитам. Эти меры позволили увеличить норму сбережения в азиатских экономиках. Для привлечения инвестиций домохозяйств была создана стабильная правовая и политическая среда, осуществлена реформа финансовой системы.

Отсутствие ценовых искажений между внутренним и мировым рынками. Конкретными способами преодоления ценовых искажений стали: снятие или минимизация тарифных барьеров по импорту, валютному курсу и унификации обменных курсов, либерализация финансовых рынков, ориентация на мировые цены, на факторы производства и конечную продукцию. Поощрение экспорта вынудило предпринимателей быстро обучиться законам внешнего рынка, обеспечило открытость для иностранной технологии.

Изменение представлений о пассивной роли аграрного сектора. На первом этапе модернизации позитивную роль сыграл подъем сельского хозяйства на базе эффективных организационных форм и прогрессивных технологий. Это позволило удовлетворить внутренний спрос на сельскохозяйственную продукцию, обеспечить развитие трудоемких производств в индустриальном секторе сельской местности.

Качество человеческого капитала (дешевая, дисциплинированная, а впоследствии и квалифицированная, рабочая сила, «патерналистская» форма менеджмента).

Переход к экспортной ориентации производства. Первоначально государством осуществлялись временные протекционистские меры (низкопроцентные кредиты, разрешение на ввоз специального оборудования и лицензионных технологий) для развития импортозамещающих отраслей. В последующем акцент переместился в сторону стратегии экспортной ориентации: эффект экономии от размера при выходе на емкий экспортный рынок, мощная роль сил конкуренции, технологических и социальных возможностей. Экспортная ориентация проходила через следующие стадии: трудоемкая легкая промышленность, тяжелая промышленность, наукоемкий экспорт, экспорт услуг.

Концепция динамического сравнительного преимущества. На основе объективного рыночного закона сравнительного преимущества определялось, какие факторы производства и в каких комбинациях использовались в первую очередь. Первоначально было использовано только одно сравнительное преимущество – дешевая рабочая сила, которое впоследствии позволило выстроить целую систему высокотехнологичных производств. Акцент был сделан на наиболее трудоемкие отрасли, а в капиталоемких отраслях – на «узкие», наиболее трудоемкие процессы или операции, в которых данный

фактор производств играет определяющую роль. Конечно, со временем (по мере роста уровня жизни и зарплаты) трудовые издержки производства возрастают. Но к этому моменту использованное преимущество от экспорта продукции трудоемких отраслей позволило аккумулировать необходимые финансовые ресурсы для замещения труда капиталом. Что привело к сдвигу к капиталоемким производствам и увеличению расходов на образование.

Увеличение полномочий государства в принятии экономических решений (планирование, промышленная политика, таргетирование). По мере усложнения структуры экономики, государственные планы принимали все более индикативный характер. Государство переходило от прямого содействия развитию отраслей к поддержке НИОКР и внедрению программ повышения квалификации работников в интересах всей экономики. На последующих стадиях приоритеты развития определялись самим рыночным сектором.

Построение эффективной системы государственного аппарата. Основной целью реформы государственного аппарата – было создание эффективно работающей и мало коррумпированной государственной бюрократии.

Как отмечается в совместном исследовании А. Пилясова с учеными США, посвященном развитию азиатской экономики, одной из несомненных организационных находок всех этих стран стало создание совещательных органов, состоящих из предпринимателей от отрасли, государства, ученых, прессы, групп потребителей и работников. Этот институт позволил государству стабилизировать среду принятия экономических решений. Совместное определение правил и процедур регулирования экономических вопросов способствовало обмену достоверной информацией о правительственных программах и развитии частного сектора, снижению коррупции, лоббирования, улучшения инвестиционного климата [18].

Дальнейшее развитие концепции связано с именем ирландского экономиста С.О. Райана (O'Rian, S), который предложил концепцию «flexible developmental state» FDS (гибкого государства, ориентированного на цели развития). Свой вклад в разработку данной концепции внесли также П. Эванс (Evans P.) и Л. Уэйс (Weiss L.), которые отмечают, что в условиях глобализации действия государств, ориентированных на цели развития, должны быть более гибкими. Термин «гибкое» применяется, как отмечает О. Райан, по аналогии с гибким пост-Фордистским производством, основанном на сетевых структурах инновационного производства, способности привлекать иностранные инвестиции, соединять локальные и глобальные технологии с сетевыми бизнес-структурами для целей государственного развития.

Благодаря использованию концепции FDS экономика Республики Ирландия с начала 90-х годов прошлого столетия достигла значительных успехов. Достаточно сказать, что в 1994 г. ВВП Ирландии в пересчете на душу населения составлял 87677 евро. По объему привлечения прямых иностранных инвестиций страна занимает одно из первых мест в мире. За десятилетие тремя сотнями иностранных компаний было создано 67 тыс. рабочих мест, а совокупный экспорт электроники составил 16,5 миллиардов евро [18]. Успех ирландских производителей заключается в особых государственных интер-

венциях («Программа национального возрождения»), направленных на освоение местными фирмами сетевого способа организации производства (гибкие мелкосерийные производственные системы в отличие от массового производства) привлечении прямых инвестиций, создании локальной сети производителей высокотехнологичной продукции и встраивании этих производителей в соответствующую глобальную сеть.

Государственный аппарат Ирландии отличается менее централизованной и более гибкой структурой. Это позволяет помимо установления более тесных связей с отечественными и зарубежными производителями, адекватно реагировать на вызовы времени с точки зрения изменения направления развития и даже перспектив существования отдельных агентств, не соответствующих целям развития страны. Обобщение опыта государственных интервенций в Ирландии свидетельствует о двух путях присоединения национальной промышленности к глобальным потокам капитала и товаров. Первый путь заключается в «импортировании» зарубежных производств и частичном встраивании их в сеть местных производителей. Второй путь – усиление местных производителей и встраивание их в международные потоки бизнеса и технологий в качестве успешных факторов интернационального рынка.

Изучение концепции государства, ориентированного на цели развития свидетельствует о плодотворности данного подхода к новейшей истории человечества. Осмысление различных аспектов модернизационных процессов должно осуществляться в русле динамичного взаимодействия между глобализованным обществом и локальными организмами, вырабатывающими специфические ответы на вызовы современности.

Говоря о развитии теории модернизации в отношении развивающихся стран, особо хочется подчеркнуть направление, именуемое в западной литературе «*technological capability building*» (ТСВ), что означает – создание технологических способностей. Классики теории модернизации утверждали, как уже отмечалось ранее, что успех индустриализации во многом зависел от технологической емкости модернизирующихся стран: от наличия человеческого капитала, способного абсорбировать новые современные технологии. Ещё в 1961 г. М. Познер (Posner M.) обратил внимание на то, что слаборазвитые страны могут извлечь выгоду из имитации технологического развития более развитых стран. Позже сторонники эволюционного подхода Р. Нелсон (Nelson R.) и С. Уинтер (Winter S.) обосновали, что индустриальный успех развивающихся стран во многом зависит от того, как предприятия управляют процессом аккумуляции технологического знания [21]. Поскольку технологии являются ядром стратегий развития, концепция создания технологических способностей является в настоящее время очень актуальной.

Далее следует остановиться на обзоре современного состояния теоретических концепций модернизации, которые в большей степени фокусируются на процессах, протекающих в развитых индустриальных странах. Результатом исследований в этом направлении стали теории: постиндустриального общества, постмодерна, постмодернизации, общества знаний, информационного общества и т.д. Например, Р. Ингледарт (Inglehart R.) утверждает

«...ясно, что модернизация не линейна. В развитых индустриальных обществах преобладающее направление развития изменилось в последней четверти века и это изменение настолько фундаментально, что его лучше назвать «постмодернизация», чем «модернизация» (1997). Одно из наиболее развернутых определений постиндустриального общества дано Д. Беллом (Bell D.): «Постиндустриальное общество - пишет он, - это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований организации системы образования и повышению качества жизни, в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени зависит от достижений теоретического знания. ...Постиндустриальное общество... предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов или технократов» [20].

Представления о современном этапе общественного прогресса были значительно обобщены в рамках концепции информационного общества. Её сторонники трактуют информацию как особый ресурс. Считается, что потребление информации не вызывает её исчерпаемости как производственного ресурса, то есть понятие редкости ресурсов, ограничивающее производственные возможности общества, перестает быть сдерживающим фактором экономического развития.

Концепция постмодерности связана с именами таких ученых, как А. Тойнби (Toynbee A.), П. Дракер (Drucker P.), А. Гидденс (Giddens A.) и др. Они утверждают, что с начала послевоенного периода в развитых индустриальных странах появились черты, которые характеризуются как *post-modern order*. Главное содержание эпохи постмодерности, приходящей на смену модерности, - возросшее место человека в социальной структуре (трансформируются мотивы и стимулы деятельности человека, возникают новые ценностные ориентиры и нормы поведения).

Е.Г.Ясин также уделяет большое внимание формированию определенной системы ценностей в российском обществе для осуществления современного этапа трансформации экономической системы. Так, он пишет: «Очевидно, что успех модернизации российской экономики в значительной мере зависит от того, будут ли происходить необходимые изменения в культуре, в неформальных институтах, в системе ценностей, и если будут, то каким темпом и в каких направлениях. Эти изменения, по сути, образуют не только условия успеха модернизации, её социальный контекст, но, если задуматься, наиболее глубинное её содержание, результат: мы сами должны стать другими, чтобы сделать страну процветающей» [23]. Если для большей части населения России в настоящее время характерно стремление к материалистическим, рационально-правовым ценностям в экономической, политической и социальной жизни, то для большинства населения развитых индустриальных держав актуален сдвиг к ценностям постмодерна.

Известный американский социолог Р. Инглетарт [24] описывает два

направления изменения траекторий развития передовых индустриальных обществ. «Место экономических достижений как высшего приоритета в настоящее время в общества постмодерна занимает все большее акцентирование качества жизни. В значительной части мира нормы индустриального общества с их нацеленностью на дисциплину, самоутверждение и достижения уступают место все более широкой свободе индивидуального выбора жизненных целей и индивидуального самовыражения. Сдвиг от «материалистических» ценностей с упором на экономическую и физическую безопасность к ценностям «постматериальным» с упором на проблемы индивидуального самовыражения и качества жизни – наиболее полно документированный аспект данной перемены». С другой стороны, Р. Инглегарт утверждает, что развитые страны приближаются к пределам развития иерархических, бюрократических организаций, способствовавших созданию современного общества. Причиной этого является изменение ценностей постмодерна, когда отдается более высокий приоритет самовыражению, чем экономической эффективности. В основе подобных утверждений автора лежит база данных «Всемирные обзоры ценностей». В ней аккумулированы данные по 43 странам за период 1970-1995 гг. Для интерпретации полученных результатов автор использует теорию межгенерационной перемены ценностей, согласно которой поколения, сформировавшиеся в условиях экономической и физической безопасности, обнаруживают существенные отличия в ценностных приоритетах. «В экономической области экзистенциальная безопасность ведет к усилению акцента на субъективное благополучие и качество жизни, становящиеся для многих более высокими приоритетами, чем экономический рост. Стержневые цели модернизации, экономического роста и экономических достижений по-прежнему остаются в ценностном смысле положительными, но их относительная значимость снижается. Налицо также постепенный сдвиг в мотивации людей к труду: с максимизации получаемого дохода и с обеспеченности работой акцент сдвигается в сторону более настоятельного запроса на интересную и осмысленную работу».

Термин «вторая теория модернизации» был предложен в 1998 г. китайским ученым Х. Чуанжи (Н. Chuanqi) в работе «Экономика знаний и вторая модернизация». Он рассматривает первую модернизацию как переход от аграрного общества к индустриальному и считает, что эта трансформация для развитых стран продолжалась в течение 200 лет (1763-1970). Вторая модернизация, по Чуанжи, - это переход от индустриального общества к обществу знаний. Сопоставление содержания двух фаз модернизации в сфере политики, социальных явлений, культуры, значения знаний и информации, предложенное Чуанжи, представлено в таблице 1.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика двух фаз модернизации

Область сравнения	Первая модернизация	Вторая модернизация
Политика	Демократия, конституция	Сила знаний, индивидуализация, интернационализация

Экономика	Индустриальная экономика, концентрация, механизация, автоматизация	Экономика, основанная на знаниях, децентрализация, интеллект, сетевые структуры, глобальная электронная коммерция
Общество	Индустриальное общество, урбанизация, богатство, маленькая семья	Общество знаний, пригородное размещение населения, социальные сетевые структуры, диверсификация семьи
Знания	Научное знание, начальное и среднее образование, передача информации	Промышленность, основанная на знаниях, высшее образование, инновации, пожизненное обучение
Культура	Индустриальная цивилизация, секуляризация религии, свобода, равенство	Цивилизация знаний, индустрия культуры, диверсификация культуры, экологизация

Что касается теоретических основ модернизационных процессов, профессор из Китая рассматривает классическую теорию модернизации как основу первой модернизации, теорию постмодернизации как начальную стадию описания второй модернизации. Хе Чуанжи считает, что взгляды следующих ученых находятся в рамках второй теории модернизации. Это В. Цапф, Э. Тириакьян (Tiryakian E.), Д. Хубер (Huber J.), которые представляют соответственно следующие концепции: «продолжающаяся модернизация», «новая модернизация», «экологическая модернизация».

Так, Вольфганг Цапф в своем исследовании «Германия: трансформация через объединение» говорит о том, что под модернизацией следует понимать три процесса: «1. Вековой процесс после индустриальной революции, в ходе которого развивалась маленькая группа сегодняшних современных обществ. 2. Многие догоняющие процессы менее или слаборазвитых стран. 3 Попытки современных обществ удержать, сохранить развитие и совладать с новыми вызовами путем инноваций и реформ». Таким образом, автор считает, что современные общества в рамках продолжающейся модернизации могут решать новые проблемы на основе дальнейшего развития их базовых институтов путем реформ и инноваций.

Э. Тириакьян отказывается от односторонней трактовки модернизации как движения в сторону западных институтов и ценностей. По его мнению, не существует единого центра модернизировать, напротив, возможно появление новых и существование нескольких эпицентров модернизации. В рамках подхода признается положительная роль социокультурной традиции как фактора развития. Процессы в Польше, Чили, Никарагуа свидетельствуют о потенциальной роли религии для легитимизации и мобилизации масс в ходе модернизационных процессов.

Что касается исследований Джозефа Хубера, то они наиболее близки к идее экономико-технологической трансформации общества в контексте парадигмы устойчивого развития. Основным смыслом экологической модерниза-

ции заключается в активизации структурных изменений на макроэкономическом уровне для обеспечения сдвига в сторону отраслей производства, которые объединяют высокие уровни экономического развития с более низкими уровнями воздействия на окружающую среду. Автор считает значительную роль государства в деле экологической модернизации. На этот институт возлагаются обязательства по разработке и реализации политики интегрирования интересов окружающей среды в производство, повышению стандартов защиты окружающей среды как средства продвижения индустриально-экологических инноваций.

Категория инноваций является одной из центральных в теории экологической модернизации. Она подразумевает «поиск и открытие, экспериментирование, развитие, имитацию и принятие новых изделий, новых процессов и новых организационных систем».

Причем, авторы отмечают, что в сфере производства экологическая модернизация сопровождается как возрастающими, так и радикальными инновациями. Возрастающие инновации связаны с постепенным усовершенствованием процессов. Радикальные инновации вызывают скачкообразные изменения в способе производства и в последующем являются базой для возрастающих инноваций.

Экологическая модернизация основывается на применении возрастающих и радикальных инноваций в «более чистых производствах». Это шаг вперед по сравнению с существующими подходами «лечения конца трубы» в направлении предотвращения загрязнения окружающей среды. Предлагаемый подход относится к каждой стадии процесса производства с одной стороны, и покрывает полный цикл жизни изделия – с другой.

«Более чистое производство» накладывает определенные требования как на сам процесс производства, так и на воздействие изделия на окружающую среду. В ходе процесса производства должны применяться технологии, сокращающие потребление сырья, энергии, использующие неядовитое сырье и материалы, сокращающие количество и токсичность отходов. «Более чистое производство» подразумевает выпуск изделий с более низким воздействием на окружающую среду на протяжении всего жизненного цикла.

Существенным условием реализации подхода «более чистого производства» являются партнерские взаимоотношения в общественностью, основанные на информационной открытости, что позволяет более полно обсудить возможные последствия научных открытий с точки зрения целей устойчивого развития. Конечным итогом рассматриваемого подхода является сокращение потребления природных ресурсов при сохранении качества жизни, переход к циркуляционной экономике.

Рамки «более чистого производства» направлены на реализацию принципа эко-эффективности, то есть повышения на базе конкурентного преимущества производительности затрат энергии и материалов с целью уменьшения потребления ресурсов и загрязнения на единицу выпускаемой продукции.

Подход «более чистого производства» тесно связан с анализом жиз-

ненного цикла изделия, направленным на экологическую безопасность и эффективность производства, эксплуатации, повторного использования и утилизации изделия. Результатом анализа жизненного цикла должно быть признание «зеленых» лейблов продукции и услугам компаний соответствующих требованиям «более чистого производства».

Теоретики экологической модернизации осознают, что описанный выше подход не достаточен для долгосрочной стабилизации окружающей среды. Есть, по крайней мере, две причины для подобного вывода. Во-первых, такие меры, как перенос экологически вредных производств в развивающиеся страны или применение более экологически чистых двигателей внутреннего сгорания в условиях экономического роста имеют уменьшающуюся отдачу с точки зрения устойчивого развития. Во-вторых, внедрение принципов «более чистого производства» отрицательно сказывается на экономике проигрывающих в экологической модернизации отраслей промышленности. Поэтому, теорией экологической модернизации рассматривается более радикальный вариант, рассчитанный на отдаленную перспективу – экологическое реструктурирование промышленности. Что означает полное закрытие экологически вредных производств, прежде всего связанных с добычей и использованием углеводородов и ядерного топлива.

Интересны исследования теоретиков экологической модернизации не только в сфере производства, но и в сфере потребления. Они значительно перекликаются с приведенными выше исследованиями Р. Инглегарта. Теоретики экологической модернизации считают, что с повышением общественного благосостояния люди более идентифицируют себя не с профессиональной принадлежностью, а с тем, что они потребляют. Выбор образа жизни, межгрупповое общение, формирование идентичности в последнее время все больше увязываются с процессом потребления. Поэтому выдвижение индивидуумами требований к экологической чистоте товаров, процессов и готовность проголосовать финансами за эти изменения являются мощным стимулом для внедрения экологически дружественных инноваций.

На наш взгляд, начиная с того момента, когда сфера приложения ТЭМ стала распространяться и на развитые страны, более уместно вести речь о целостном теоретическом направлении, имеющем свой предмет, объекты и методологию.

Предметом ТЭМ являются закономерности и процессы преобразования экономических систем в рамках органических и неорганических модернизационных процессов. Объектом ТЭМ выступает система ценностных установок, механизмов и факторов, обуславливающих конвергенцию стран на базе глобализационных и цивилизационных долгосрочных тенденций мирового развития. Методологические подходы ТЭМ базируются на эмпирической содержательности теоретического обоснования и холистическом видении процессов.

Таким образом, за последние 25-30 лет произошло значительное обогащение классической теории модернизации. Использование элементов теории игр при модернизации экономических процессов позволило подтвердить

правильность теоретических положений классической теории модернизации. Рассмотрение постмодернизационных теорий в свете описания ими модернизационных процессов в развитых странах и в соответствующих анклавах развивающихся стран расширяет методологические горизонты теории модернизации, позволяя находить общие подходы для решения задач устранения неравенства в мировых масштабах. Актуальным для стран, избравших путь ускоренного развития, является уточнение роли финансовых институтов, проработка механизмов аккумуляции технологического знания в процессе модернизации, обоснование государственной интервенционистской политики. Необходимо отметить, что вопрос о роли государства в процессе модернизации в последнее время обсуждается довольно часто, особенно в свете прошедших кризисов конца XX столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zapf W., Habich R. Die sich stabilisierende Transformation – ein deutscher Sonderweg? /Wohlfahrtsentwicklung im vereinten Deutschland. Berlin. edition sigma. – 1996. – S. 329-350.
2. Кравченко И.И. Модернизация мира и современной России //Вопросы философии. – 2002. – № 9. – С. 8.
3. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto 3rd ed. Cambridge. – 1995. – P. 4, 8-9.
4. Moore W. E. World modernization. The limits of convergenct. N.Y.,1979.
5. Lewis. Economic development with Unlimited Supplies of Labor. – Manchester School 22. – P. 139-191.
6. Murphy, K.M., Shleifer, A., and Vishny, R.W. (1989), “Industrialization and the Big Push, Journal of Political Economy, 97. – P. 10031026.
7. Journal of Financial Intermediatation 11. P. 366-397 (20020.)
8. Sachs, Jeffrey, and Andrew Warner The Big Push, Natural Resource Booms and Growrh. – 1998.
9. Vitir Trindade The Big Push, Industrialization and Lnternational Trade: The Role of Exports /Department of Economics, Syracuse University. 2003.
10. Myrdal G. Asian Drama: An Inquiry into the Povetry of Nations, vol. I-II. – N. Y., 1968.
11. Bendix R. Tradition and Modernity Reconsidered //Comparative Studies in Society and History. The Hague. – 1967. – No 3. – P. 326-329.
12. Мюрдаль Г. Современные проблемы «третьего мира». Сокр. Перевод с англ. – М., 1972. – С. 132.

13. Eisenstadt S. N. Tradition, Change and Modernity. – N. Y., 1973. – P. 29.
14. Abdel-Malek A., Huynh Cao Tri, Rosier B., Le Thanh Khoi. Cles pour une strategie nouvelle du developpement. – 1984. – P. 15.
15. Schultz T. Investment in Human Capital. – N. Y., 1971. – P. 249.
16. Hatch W., Yamamura K. Asia in Japan's Embrace. Building a regional Production Alliance. Cambridge. – N. Y. 1996. – P. 27-28.
17. Johnson Ch. MITI and Japanese Miracle: The Growth Of Industrial Policy, 1925-1975. Stanford (Ca). – 1982.
18. Пилясов А., Джонсон П. Азиатская экономика //www. ubek-gateway. Uz.
19. O'Rian, S. "The Elexible Developmental State, Globalization, Information Technology and the "Celtic Niger" Politics and Society vol. 28. no 3. – P. 3-37.
20. Богомолов П. Прыжок кельтского тигра //Парламентская газета, № 698 от 04.11.01. – С. 4.
21. Nelson R., Winter S. Evolutionary Theory of Economic Change. Harvard Univ. Press. Cambridge. 1982.
22. Bell D. Notes on the Post-Industrial Society //The Public Interest. 1967 - # 7. – P. 102.
23. Ясин Е.Г. Модернизация экономики и система ценностей. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 6.
24. Inglehart R. Modernization and Postmodernization. Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, Princeton Univ. – Press, 1997.
25. J. Murphy. Ecological Modernization: The Environment and the Ttansformation of Society, Mansfield College. – Oxford, UK. – P. 7.